

Защита звания

Весна 1954 года, очередной матч на первенство мира — парижские правила 1949 года действуют. В отборочных соревнованиях ФИДЕ победил В. Смыслов.

Смыслов рано выдвинулся: в 18 лет — чемпион Москвы, в 19 — третий призер чемпионата СССР, в 20 — гроссмейстер.

Высокий, худенький, близорукий молодой человек с рыжими волосами всегда действовал по Козьме Пруткову — «смотрел в корень». Иллюзий у Васи никогда не было. Если он увлекался, то только как «исключение из правил». В этом и состояла его главная сила в шахматах — он был проницателен.

Талант его универсален и исключителен. В те годы он мог тонко сыграть в дебюте, уйти в глухую защиту или бурно атаковать или, наконец, хладнокровно маневрировать; а про эндшпиль и говорить нечего — это его стихия. Иногда он принимал решения, поражавшие своей глубиной. Спортивный характер — отменный, здоровье то, что нужно для тяжелых шахматных боев. Особо проявлялась сила Смыслова, когда он попадался на подготовленный вариант; посидит тогда Смыслов часик за доской, подперев щеки кулаками (уши от напряжения красные), — и найдет опровержение!

К сожалению, по человеческому своему характеру Василий Васильевич — что греха таить — с ленькой... Может быть, в жизни он больше ценил ее радости, чем обязанности. Но если не предаваться творческой работе безотказно, то талант не развивается полностью. И хотя в 1953—1958 годах Смыслов был непобедим, думаю, что уже тогда это сказалось на его игре.

В этот период Смыслов добился исключительных спортивных результатов, но с творческой стороны он себя ограничил так, чтобы работу в области шахмат свести к минимуму.

Смыслов стремился после дебюта получить спокойную игру — желательно с микроскопическим перевесом. Партнер начинает думать о ничьей, а как этого добиться — известно: надо менять фигуры. И Смыслов помогает в этом противнику, он сам предлагает размены, но так, что каждый размен дает ему некоторый позиционный плюс. Возникает наконец эндшпиль уже с ощутимым перевесом; если противник удачно защищается — ничья, а если допускает погрешности, то виртуозное мастерство Смыслова в эндшпиле сказывается.

Это был почти беспроегршный период в карьере гроссмейстера, но, повторяю, может быть, в творческом отношении его более ранние партии интереснее. Смыслов тогда был в возрасте 32—37 лет — лучшие годы шахматиста. С таким грозным противником мне и пришлось сыграть три матча.

Смыслов настаивал, чтобы матч начать 15 апреля. Я отказывался наотрез, ссылаясь на правила, которые требовали, чтобы соревнование

проходило в благоприятное время года (в июне в Москве бывает жарко). Пришлось даже напомнить о действовавшем еще пункте правил, что если оба участника не договорятся, то возможен матч-турнир четырех¹; наконец столкнулись начать матч 16 марта.

Так же как и с Бронштейном, борьба была бескомпромиссная. На старте Смыслова постигла неудача: в первых четырех партиях он набрал лишь пол-очка. Но начиная с седьмой партии по одиннадцатую я играл слабо и тоже набрал в этих пяти партиях всего лишь пол-очка! Счет стал 6 : 5, и не в мою пользу. Украшением первых 11 партий, несомненно, были вторая (№ 218) и девятая. Затем я воспользовался несколько азартной игрой своего партнера и в следующих пяти партиях (все они были результативными!) выиграл четыре... Затем следуют три боевые ничьи, а начиная с двадцатой выяснилось (так же как и в матче с Бронштейном), что сил у меня было уже маловато. В последних пяти партиях Смыслов отыграл два очка, и со счетом 7 : 7 (по результативным партиям) при десяти ничьих матч заканчивается. Опять претендент не сумел превзойти чемпиона, и мне удалось отстоять свое звание.

В августе в составе советской команды (на сей раз уже никто не требовал гарантий, что я возьму на своей доске первое место) мне впервые довелось играть на Олимпиаде. Для турнира в Амстердаме был выделен большой зал «Аполло», играть было хорошо. После утреннего доигрывания меня освобождали от вечерней игры — включали в состав команды запасного участника. Однажды заменить было некем, но выяснилось, что сил достаточно — выиграл вечером у Найдорфа (№ 231). Советская команда легко заняла первое место.

Сыграл я в Амстердаме две интереснейшие партии. Первую — с болгаринном Миневым (№ 230) — легко мог выиграть дважды — вечером и утром, но дважды ошибался, и наконец партия была отложена в ферзевом эндшпиле, где у меня была лишняя и единственная пешка «g». За десять лет до этого я выиграл такой эндшпиль в Москве у Г. Равинского (№ 131), но сам не понял, как это получилось.

Просидел я за шахматами несколько часов (спать лег в три часа ночи), но — эврика! — нашел метод выигрыша. Утром Минева (он-то не знал найденного метода) быстро проиграл. Это была творческая победа — стало известно, как надо действовать в подобных окончаниях.

Драматическая ситуация сложилась в партии с Унцикером (№ 233). Дебютный эксперимент во французской защите привел к проигранной позиции. Всю партию я висел на волоске; отложили мы ее в ладейном окончании, где, по общему мнению специалистов, впроу было сдаваться...

---

¹ Матч-турнир четырех, пожалуй, наиболее хитрое мое изобретение, включенное в 1949 году в правила проведения матчей на первенство мира: если участники не могут прийти к соглашению, ФИДЕ матч отменяет и проводит матч-турнир четырех — чемпион и первые три победителя соревнования претендентов (этот турнир проводится при любом количестве прибывших к игре участников). Ясно, что чемпиону и претенденту этот турнир невыгоден; значит, надо быть уступчивее и не спорить! В 1954 году это правило еще действовало.

Пришлось поработать. Сначала помогал Болеславский, но он скоро стал клевать носом и ушел на боковую. Его заменил Флор, он держался молодцом: когда я его будил, давал хороший совет. В два часа ночи я его отправил отдыхать, предупредив, что в восемь утра он должен явиться и оценить результаты анализа.

В восемь утра Флор пришел и нашел два пути к выигрышу: один способ (как мне казалось) я опроверг. В целом это было уже хорошо, Унцикер мог и не заметить этих тонкостей!

Началось доигрывание. Зал был пуст — присутствовали лишь судья да один нетерпеливый репортер, в результате партии никто не сомневался.

Первый путь к выигрышу Унцикер не заметил, но тут я с ужасом увидел, что второй способ также достаточен для победы! Однако белые и тут пропустили решающий момент (видимо, мой партнер сладко спал ночью), и в конце концов партия закончилась миром.

Банкет для участников и организаторов Олимпиады был устроен в Карлтон-отеле, той самой гостинице, где в 1938 году мы с Алехиным договорились о нашем матче.

Это были последние годы, когда Амстердам выглядел по-старому: сам Эйве разъезжал еще на велосипеде, про других голландцев и говорить нечего. Когда меня пожелал сфотографировать один репортер, он потребовал, чтобы я непременно взгромоздился на велосипед...

Посетили мы женский лицей, где учились девицы в возрасте от 12 до 20 лет. Школа расположена на тихом канале, все здание в диком винограде. В этом лицее тогда еще преподавал математику Макс Эйве.

Зимой 1955 года играл я в очередном чемпионате СССР в Москве. Интересных партий было немало (уникальный эндшпиль с разноцветными слонами удалось выиграть у Котова — № 235), еще перед последним туром я имел шанс стать чемпионом, но «под занавес» без борьбы проиграл Кересу.

По уставу ФИДЕ чемпион мира автоматически входит в состав ЦК Всемирной шахматной организации. В. Рагозин (был вице-президентом ФИДЕ) и предложил мне сопровождать его на очередной конгресс в августе 1955 года. Я охотно согласился, так как догадывался о том, что президент Рогард настроен против права бывшего чемпиона на реванш (мы беседовали с Рогардом об этом год назад в Амстердаме), — на конгрессе в Гетеборге можно было в этот вопрос внести ясность.

На заседании ЦК Рогард не допустил обсуждения вопроса о реванше под тем предлогом, что это можно сделать на Генеральной ассамблее (хитрый адвокат полагал, что там его позиция скорее получит поддержку). Но когда я предложил обсудить этот вопрос на Генеральной ассамблее, президент указал, что торопиться некуда и все это можно включить в повестку дня конгресса 1956 года.

Здесь я занял твердую позицию, предложил на этом конгрессе решить вопрос в принципе, объяснил делегатам важность проблемы. И тогда Рогард приступил к процедурному голосованию: обсуждать этот вопрос в Гетеборге или отложить до конгресса в Москве?

Результат был неожиданным: Рогарда поддержал лишь один его приятель — делегат из Южной Америки. Началось обсуждение по существу, затем на голосование был поставлен вопрос: имеет ли в принципе поверженный чемпион право на реванш?

С Рогардом и здесь остался его верный южноамериканский друг, а вся ассамблея проголосовала против президента.

Фолке Рогард после заседания белее полотно подошел ко мне: «Не считаете ли вы, что я должен немедленно подать в отставку?»

И здесь я не выполнил своих обязанностей перед шахматным миром. Конечно, я должен был ответить утвердительно, тогда пришел бы другой президент, который учел бы ошибки своего предшественника. Действовал же я, как гнилой интеллигент, утешал Рогарда, говорил ему комплименты и прочую ерунду — Рогард сразу повеселел. К чему это привело, будет ясно из дальнейшего...

Итак, Рогард был очень доволен и на память вручил мне фото: сидим мы с ним (у меня в руках карманные шахматы) и улыбаемся. Это фото — на даче. Смотрю я иногда на него и вспоминаю о своей ошибке.

По возвращении в Москву 1 сентября сел я за письменный стол решать задачу: что произойдет, если у машины переменного тока на роторе будет не одна обмотка (как у обычной синхронной машины), а две взаимно перпендикулярные? В свое время Горев писал, что подобная машина будет более устойчива в эксплуатации. Поскольку из проблемы сильного регулирования я был вытеснен, то эта новая задача выглядела соблазнительно.

Просидел я десять дней, составил систему уравнений и решил ее для установившегося режима — теперь грамотный специалист сделает все это за полчаса.

Результаты подтвердили то, что предсказывал Горев: такая машина безразлична в установившемся режиме к фазовому углу цепи статора, стало быть, она может работать на линию передачи любой протяженности. Ротор машины может при этом вращаться с несинхронной скоростью, и если закон управления выбран правильно, то наблюдатель, регистрирующий работу машины со стороны статора, будет считать, что имеет дело с обычной синхронной машиной. Это и дало основание окрестить подобную машину переменного тока асинхронизированной синхронной машиной — АСМ.

Таким образом, эта машина лишена «синхронной» устойчивости; более того, она лишена всякой естественной устойчивости. Искусственная устойчивость может быть создана по скорости, так называемая асинхронная устойчивость. Это достигается перемножением напряжений, подаваемых на обмотки ротора, на скольжение ротора относительно синхронного поля статора.

Работой заинтересовался Иосифьян; Андроник Гевондович возглавлял ВНИИЭМ. Договорились, что модель машины с линией передачи 1000 км, мощностью 5 кВа будет создана во ВНИИЭМе. Г. Петров был тогда

консультантом института, и он также поддержал экспериментальную проверку АСМ.

Весной 1956 года установка была готова, но большие трудности возникли со схемой регулирования. Требовалось перемножение напряжений на величину скольжения — тогда аналоговая вычислительная техника только создавалась, и достать блок перемножения было практически невозможно. Отправился я на переговоры к директору ИАТа Трапезникову (нынешнему академику): Вадим Александрович был очень доброжелателен и дал поручение своему сотруднику Б. Когану (одному из создателей отечественной аналоговой техники) оказать содействие. Борис Яковлевич приехал со своей первой аналоговой машиной ЭМУ-5, набрал на ней закон управления, и эксперимент закончился успешно!

Тогда же было решено увеличить мощность установки до 20 кВа.

Но через год очередной матч на первенство мира — пора возвращаться к шахматам.

Конгресс ФИДЕ 1956 года проходил в Москве, а за ним — Олимпиада. На конгрессе основной вопрос был о правилах соревнований на первенство мира. Надо было решить, как быть с правом побежденного чемпиона на реванш; по правилам 1949 года эксчемпион мог присоединиться третьим к соревнованию. Рогард возражал против тройного матч-турнира, опасаясь сговора между двумя участниками. Он возражал и против матч-турнира четырех (как уже отмечалось, по правилам 1949 года ФИДЕ объявляло проведение четверного матч-турнира, если участники матча не могли прийти к соглашению). Рогард был против матч-турниров вообще.

Президент возражал и против постоянно действующих правил; он требовал, чтобы на каждое трехлетие правила утверждались заново.

Правила обсуждались на комиссии. Ван Стенис (Голландия), Берман (Франция), Дене (ФРГ) поддержали президента, и я остался в одиночестве. Правда, была достигнута договоренность о сохранении постоянных правил для матчей на первенство мира (потом выяснилось, что Рогард схитрил и не включил это решение в протоколы конгресса), но матч-турниры были отменены. Право экс-чемпиона на реванш обеспечивалось (вслед за его поражением в матче) проведением в следующем году матч-реванша.

Я, конечно, смалодушничал, нельзя было уступать в вопросе о матч-турнире четырех. Та ситуация, которая возникла в 1972 и 1975 годах, когда трудности при переговорах между участниками матча искусственно создавались одной стороной, была бы невозможной, если бы действовало это поистине мудрое правило о матч-турнире четырех.

Московская Олимпиада вновь закончилась победой советской команды. Из индивидуальных результатов должна быть отмечена игра молодого Бента Ларсена. Он выступал настолько успешно на первой доске, что датская команда вышла в финал! Ларсену тогда присвоили звание гроссмейстера — появилась новая звезда на шахматном небосклоне.

К сожалению, организована была Олимпиада не вполне удачно, опыт предыдущих олимпиад не был использован. Командный турнир надо

проводить в выставочном зале, а не на сцене театра. Демонстрировать все партии невозможно — их слишком много. Зрители не могут следить за той партией, которая их интересует.

В 1956 году исполнилось десять лет со дня смерти Александра Алехина. В октябре этого года в Москве был проведен международный турнир памяти чемпиона мира.

С точки зрения подготовки к предстоящему повторному матчу со Смысловым (Смыслов вторично победил в соревновании претендентов) мне следовало уклониться от участия в этом турнире и готовиться к матчу. Но отказаться от турнира было трудно.

Играл я удачно и лидировал все соревнование. К последнему туру опережал Смыслова на очко. Но под конец (как и в чемпионате СССР 1955 года) проиграл Кересу (Пауль блестяще провел всю партию от начала и до конца), и Смыслов меня догнал...

Итак, второй матч со Смысловым.

Матч в целом показал мою неподготовленность. Не было продемонстрировано ни четких дебютных систем, ни подлинного искусства в анализе неоконченных партий, ни спортивной настойчивости.

Первую партию я проиграл. После пятой (№ 251) уже вел в счете (2 : 1). С шестой по двенадцатую я проиграл три партии — счет стал 2 : 4 в пользу Смыслова. Тринадцатую (№ 254) мне удалось выиграть, и минимальный счет (3 : 4) держался до семнадцатой партии. Эту очередную встречу выиграл Смыслов (он ее провел очень тонко), и судьба матча была решена. Со счетом 3 : 6 при 13 ничьих матч закончился на двадцать второй партии.

До семнадцатой партии судьба матча была неопределенной. Решающими были мои промахи в выигранных позициях в девятой и пятнадцатой партиях, но если бы этих промахов не было, то было

бы всего лишь равенство сил, и только! В последних девяти партиях я уже не сумел выиграть ни одной...

Надо было решать, играть или не играть матч-реванш. Иначе говоря, есть ли надежда вернуть потерянное звание.

В течение двух месяцев была проведена аналитическая работа — установлено то, о чем уже читатель знает. Можно добавить, что в период с сентября 1956 года по апрель 1957 года я играл слишком много партий (50!); когда я переставал испытывать шахматный «голод», всегда играл без подъема.

Уже составлен план подготовки, но все же я колебался в принятии окончательного решения.

Приехал за мной Подцероб, потом заехали мы за Рагозиным, и отвез нас Борис Федорович на Ленинские горы.

— Михаил Моисеевич, играть надо непременно. Я вас хорошо изучил - просто «жить» вы не можете. Откажетесь от борьбы за первенство мира, так что-нибудь другое придумаете. Лучше уж в шахматы играйте.

Рассказал я своим друзьям о проделанной работе и планах подготовки. Пришли мы к соглашению, что играть надо! Я и послал официальную телеграмму президенту ФИДЕ, отступить теперь некуда.

Но давление на меня, чтобы я отказался от реванша, было разнообразным и настойчивым. Два довода выдвигались в пользу отказа от игры: 1) Ботвинник не должен себя позорить и 2) Смыслов очень силен, он достойный чемпион мира — так чего же снова играть?..

Конфиденциально мне даже сделали неожиданное «предложение»: откажись от шахмат — получишь персональную пенсию. После анализа событий, происходивших в матче 1957 года, я, естественно, считал, что реванш должен состояться.

Летом 1957 года большая группа спортсменов была награждена орденами. Вручал орден в Кремле К. Е. Ворошилов. Каждому награжденному Климент Ефремович говорил несколько слов. Сказал он и мне:

— Вы знамениты на весь мир.— Мимикой показываю, что не согласен, сомневаюсь в этом.— Теперь вы проиграли.— Я киваю головой.— Но не нужно огорчаться — вы проиграли замечательному «мужику».— Тут невольно моя физиономия выразила несогласие.

Климент Ефремович помолчал и, видя, что я его не поддерживаю, примирительно и дружелюбно добавил:

— Но, может, вы еще и выиграте?

— Может быть! — последовал незамедлительный ответ. Несколько сотрудников Президиума Верховного Совета СССР, которые стояли за Ворошиловым, дружно засмеялись...

Вскоре Голомбек прислал из Лондона книгу о матче. Кроме партий она содержала предисловие, написанное победителем, и послесловие, написанное экс-чемпионом. Прочтя предисловие, я уверовал в успех. «...Трудная борьба... за высший шахматный титул окончена. И новые баталии, турниры и матчи еще последуют», — писал новый чемпион.

Быть может, он слишком самоуверен? Зазнайство не располагает к работе. А мне же надо хорошо поработать, и тогда можно рассчитывать на победу, решил я.

Летом 1957 года стало известно, что участникам сборной олимпийской команды разрешено вне очереди купить автомашины «Победа». Я долго сомневался: зрение ухудшилось, и сидеть за рулем уже не мог, но за два дня до истечения срока купил машину (цвета кофе с молоком). Тут же удалось договориться с И. М. Кабановым (водителем служебной машины нашего друга, заместителя министра электростанций), и всей семьей отправились в Ленинград в «испытательный пробег». До Новгорода доехали благополучно, дальше прямой путь на Ленинград был закрыт (ремонт шоссе), и надо было ехать вкруговую через Псков и Лугу. Места эти я знал, бывал и в Новгороде, и в Луге. Посоветовались мы с Иваном Матвеевичем и решили пробиваться напрямую в Лугу по проселку...

Дорога была ужасная, больше чем 20 километров в час мы не делали. Наконец Луга. И лишь в три часа ночи были в Ленинграде. После профилактики (дорогой чуть не «потеряли» генератор — держался на одном болте) и отдыха уже через Псков вернулись на Николину гору.

Иван Матвеевич работал и, естественно, водить «Победу» не мог. Посоветовал он обратиться к П. Рыжову — Петр Тихонович был уже на пенсии, ранее он был водителем служебной машины министра. П. Рыжов — небольшого роста, прямой, волосы с проседью, но все целы, рассудителен, работал водителем еще до первой мировой войны — охотно согласился. Машину он любил, всегда заранее говорил, какой профилактический ремонт надо делать. До 10 000 километров двигатель не насиловал, повороты брал осторожно, чтобы резину сохранить. На светофоры смотрел во вторую очередь, прежде всего обращал внимание на возможные препятствия. «Нарушишь правила,— объяснял он,— дело небольшое, а вот если столкнешься...»

Всю первую мировую войну был на фронте связным-мотоциклистом: «Знаете, что такое пакет аллюр три креста? Не доставишь в срок — расстрел». Однажды зимой на фронте он в пути решил отдохнуть, оставил на дороге мотоцикл и заснул. Проезжавшие солдаты увидели мотоцикл, отвезли окоченевшее тело (вместе с мотоциклом) в ближайшую деревню. Выпил Петр Тихонович ведро чая и ожил!

В гражданскую был комиссаром, а затем командиром автороты. И там были приключения. Рассказывал Петр Тихонович, как в польскую кампанию пришлось ему удирать (не при полном параде) через окно из одной избы — муж вслед стрелял, но, слава богу, промахнулся...

Подружились мы с Петром Тихоновичем.

Летом 1957 года взяли щенка у соседей. Отец был немецкая овчарка, но трусоват; мать — по кличке Фреда — помесь с дворнягой, но умница. Волчок подрос, и любимым занятием Петра Тихоновича было бегать с ним наперегонки.

Вместе с Петром Тихоновичем готовились мы к матч-реваншу и вместе играли!

Дебюты были отработаны. Играть со Смысловым надо было с предельной осторожностью, особенно черными; анализировать — сил не жалеть, возможностей для победы не упускать. Приготовил я для Смыслова сюрприз — защиту Каро-Канн, любимое оружие Капабланки.

Эффект был потрясающим. Первые три партии Смыслов проиграл, в том числе две белыми в защите Каро-Канн. Сыграли мы еще двадцать партий, которые даже закончились в пользу Смыслова ($10\frac{1}{2} : 9\frac{1}{2}$), но что толку?

Четвертая партия была отложена в проигранном конце с разноцветными слонами. Приехали мы с Петром Тихоновичем на дачу — он спать, я анализировать. Утром поднялась температура, но бюллетень брать нет смысла: партия все равно проиграна — пропускать игру по болезни можно всего трижды. Смыслов не разобрался в позиции, и в итоге — ничья.

Пока я доигрывал, Петр Тихонович обычно меня ждал, окруженный толпой болельщиков: «Как Ботвинник считает, чем кончится партия?» От Петра Тихоновича у меня тайн не было, он был человек строгих правил; на эти вопросы только пожимал плечами... Выхожу как-то после доигрывания, что-то «Победы» не видно... Оказывается, ее окружили болельщики, берут у Петра Тихоновича «интервью», а он сидит за рулем, заперся в машине.

— Петр Тихонович, что же вы двери запираете?

— Знаете, как напирают,— смять могут. Боишься, что машину опрокинут...

Судьба матч-реванша была решена, но правильную спортивную тактику я нашел не сразу. Лишь после того, как проиграл пятую (в эндшпиле проглядел матовую угрозу) и отыграл очко в шестой (№ 258), понял, что надо играть предельно осторожно, на ничью. Партнеру отыгрываться надо — он неизбежно потеряет самообладание и «полезет»; тогда — не зевать! С таким грозным противником, как Смыслов образца 1958 года, это была единственно возможная тактика.

До 14-й партии (№ 262) я удерживал перевес в три очка. Потерпев в этой партии поражение, Смыслов отложил и 15-ю в проигранной позиции; перевес мог составить пять очков! Но случилось «чудо», на сей раз я был невнимателен в анализе да, во время игры забыв о контроле, просрочил время... За два хода до контроля были разменены ферзи, и я получил спокойный, с очевидным преимуществом эндшпиль. В подсознании это ассоциировалось с тем, что будто контроль прошел — такое состояние бывает у мастера после контрольного хода.

Мой секундант Г. Гольдберг и арбитр Г. Штальберг очень волновались, предвидели просрочку времени. Но что было делать? Они не имели права вмешиваться в ход борьбы. Со следующего матча Штальберг внес в регламент пункт о праве арбитра подсказать участнику (один раз), что контрольный ход еще не сделан!

Но основная ошибка состояла в том, что не уехал анализировать на дачу. После ночного анализа на даче главная забота — завести двигатель (ночи еще были холодные). Петр Тихонович садился за руль и нажимал на стартер, я крутил ручкой. Покрутишь ручкой несколько минут — весь мокрый; думаешь только о том, чтобы ручку правильно держать, лишь бы палец не оторвало. Наконец завели — голова, которая после игры и ночного анализа была тяжелой, стала ясной! Можно ехать на доигрывание... Анализировал бы я 15-ю партию на даче — все было бы по-иному.

Итак, снова перевес лишь в три очка. Оба мы устали, и в партиях появились малопонятные ошибки. Смыслов устал меньше и одно очко сумел отыграть.

Мой партнер нервничал во время матча. Так, он требовал права пропустить игру по болезни четвертый раз — пришлось арбитру Штальбергу обращаться за разъяснениями к президенту. Один раз Смыслов не явился на доигрывание (когда позиция была проиграна), не явился он и на закрытие матча — единственный случай в истории шахмат.

Поражение Смыслова имело психологическую подоплеку — он недооценил своего опытного партнера.

Осенью в Мюнхене была очередная Олимпиада. Играли в старинном зале, красивом, но темном. Из-за близорукости я не играл, а мучился. Когда проиграл австрийцу Дюкштейну, то потребовал у директора Олимпиады г-на Шнейдера (потом он был президентом Шахматного союза ФРГ) настольную лампу. Он привез лампу из своего дома в Нюрнберге, и я ожил. Товарищи по команде иронизировали по поводу моих «чрезмерных» требований, но, когда появилась лампа, я заметил, что советский участник (мой сосед по столу) незаметно старался ее придвинуть поближе к своей доске...

Удивительная моя судьба. Когда Фишер требует неестественно сильного освещения всего зала (несомненно, в этом скрыта какая-то странность), инженеры-специалисты проверяют освещенность, и все восторгаются чемпионом, отстаивающим свои права на хорошие творческие условия. Над моими же скромными и естественными просьбами всегда посмеивались...

И в Мюнхене советская команда завоевала золотые медали.

Был на Олимпиаде неприятный инцидент. Известно, что по субботам Решевский (США) из религиозных соображений не играет. Американцы обратились с просьбой, чтобы и я не играл в матче СССР — США («для равновесия»). Я отказался наотрез, несмотря на давление, которое оказывалось на меня со стороны руководителя делегации Д. Постникова и капитана А. Котова. Они, де-мол, боялись угроз американцев, что те прекратят игру на Олимпиаде

и уедут домой. Когда мы спорили (это было в холле гостиницы «Метрополь»), невдалеке сидел президент шахматистов ФРГ Э. Дене.

— Вам-то зачем бояться, что американцы уедут? Это Дене должен опасаться, посоветуйтесь с ним, — говорю я своему начальству.

— Если американцы хотят уехать, путь едут, — равнодушным тоном произнес немец.

Конечно, я участвовал в матче с командой США!

Когда ходили мы по Мюнхену, нередко прохожие, услышав русскую речь, приветливо нас останавливали: «Вы из Москвы? Я был в России в плену. Не знаете ли вы майора Иванова — он был нашим начальником в лагере?..» Повар в отеле известил нас, что приготовит «русский» обед. Был подан замечательный борщ с большим куском отварного мяса. Все сыты, но по привычке сидят и ждут второго — не несут. Так кормили немцев-военнопленных!

Годом раньше в Москве была делегация немецких электротехнических фирм. Г-н Кноп, один из директоров фирмы «Симене-Шуккерт», пригласил меня в Эрланген выступить в шахматном клубе «Сименс». Договорились, что после Олимпиады я к ним приеду.

В середине Олимпиады г-н Кноп объявился, согласовали день сеанса.

— Гонорар?

— С коллег не беру.

Потом Флор (мы вместе были в Эрлангене) сообщил, что Кнопп приготовил для меня «маленькое радио». Ну и намучился я с ним в самолете! Возвращался я в Москву через Голландию (там мы с Флором давали сеансы). Хорошо, что советник посольства ехал в Москву из Гааги поездом и прихватил с собой радиоприемник. Вес «маленького радио» за 10 кило, а размеры (там же был и проигрыватель!)...

Показали мне в Эрлангене химическую лабораторию, где отработывали технологию получения кремния со строго заданным составом примесей,— в этом случае можно получать кремний с наперед заданными характеристиками для полупроводниковых приборов. Тогда я ничего не понял. Понял лишь несколько лет спустя, когда по работе столкнулся с этой проблемой, по достоинству оценил успехи фирмы.

Я впервые тогда гастролировал по Голландии. Рабочие и крестьяне, священники и школьники, банкиры и профессора — многие в Голландии увлекаются шахматами. Выступать перед такой массовой аудиторией всегда приятно. Довелось мне тогда участвовать в одной телевизионной передаче, посвященной ЭВМ (пригласил Эйве). Перед выступлением меня побрили, загризировали и привели в зал. Были там математики и шахматисты, поэты и психологи — представители многих специальностей. (Если не ошибаюсь, был и знаменитый де Гроот, автор толстой книги о мышлении шахматных мастеров; все кибернетики ссылаются на его труд.) Познакомился я с одним молодым поэтом. »

— Маяковского читали? — спрашиваю.

— Да, конечно, но очень нравится мне Хлебников.

Это меня поразило. У нас в Союзе Хлебникова почти никто не знает, а в Голландии он популярен... Поистине несть пророка в своем отечестве!

Пришел мой черед выступать. Эйве меня спрашивает:

— ЭВМ в будущем сможет хорошо играть в шахматы?

— Да,— не задумываясь, отвечаю я.

За это получил гонорар 100 гульденов. Никогда одно слово не приносило мне столь больших доходов.

Тогда ответ был продиктован интуицией. Потом я начал серьезно задумываться над этой проблемой, но никак не предполагал, что в дальнейшем столько лет жизни придется отдать на создание искусственного шахматиста.

Конечно, жаль расставаться с Голландией — своеобразная, чистенькая, как бы игрушечная страна трудолюбивых людей. Но пора домой!